

АРМЕН ГАСПАРЯН

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

ПРАВДА О САМЫХ ИЗВЕСТНЫХ
ДЕЯТЕЛЯХ ИСТОРИИ
РОССИИ XX ВЕКА

Армен Гаспарян

**Личное дело. Правда о
самых известных деятелях
истории России XX века**

«Яуза»

2018

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)

Гаспарян А. С.

Личное дело. Правда о самых известных деятелях истории России
XX века / А. С. Гаспарян — «Яуза», 2018

ISBN 978-5-04-097418-4

НОВАЯ КНИГА Армена Гаспаряна – это не только увлекательный рассказ о жизни, свершениях, подвигах и преступлениях самых известных деятелей российской истории XX века. Это еще и уникальный, основанный на новейших исторических данных, взгляд на биографии этих людей – от Ленина и Сталина до генерала Карбышева и главного идеолога советского строя Суслова. Исторические персонажи, о которых вы прочтете в этой книге, вошли в историю с разной коннотацией – кто-то с положительной, кто-то с безусловно отрицательной. Но общим для всех них является то, что их имена стали знаковыми, навсегда оставшись в нашей истории. Армен Гаспарян – популярный российский писатель, историк, радиоведущий, публицист, блогер, постоянный эксперт программы Владимира Соловьева «Полный контакт», автор бестселлеров, посвященных истории России XX века.

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-04-097418-4

© Гаспарян А. С., 2018
© Яуза, 2018

Содержание

От автора	6
Последний император Николай II	7
Верховный правитель России адмирал Колчак	12
Лидер анархистов Нестор Махно	16
Красный командир Николай Щорс	21
Комкор Виталий Примаков	26
Первые наркомы ленинского правительства	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Армен Сумбатович Гаспарян
Личное дело. Правда о самых известных
деятелях истории России XX века

© Гаспарян А.С., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2019

© ООО «Издательство «Якорь», 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

От автора

История – это политика, опрокинутая в прошлое. В нашем случае стоит добавить: в непредсказуемое прошлое. У нас не существует хотя бы относительно стабильной оценки событий XX века. Все время в состоянии маятника. При этом подлинные факты, к сожалению, привлекают людей все меньше, хотя интерес к истории в обществе стабильно высокий. Такой вот парадокс нашего времени.

У героев этого сборника разные судьбы. Объединяет их одно: мифологизированность. От реальных их биографий зачастую не осталось и следа. Идеологические стандарты советской эпохи сменились абсолютной вакханалией современного медиапространства. Можно утверждать любую глупость, и найдутся сотни людей, которые мало того, что в это поверят, но еще и начнут тиражировать вновь приобретенное знание.

Безусловно, наивно было бы полагать, что эта книга даст ответы на все вопросы. Но отсутствие реакции на очевидную чепуху означало бы молчаливое согласие с этим. К чему это приводит – хорошо видно на примере современной Украины. Все ведь потешались над историями о древних шумерах, украино-персидской битве в V веке до нашей эры и украинцем Гераклом. Теперь посмотрите, к чему это все привело на выходе, и наживайте моральный капитал.

Я выражаю признательность читателям своего Твиттера, которые помогли определить основные мифы ушедшей эпохи и понять, о чем обязательно нужно рассказать в новой книге.

Армен Гаспарян

Последний император Николай II (1868–1918)

За последние годы и дня не проходит, чтобы кто-то не взялся обсуждать Николая II. Дело даже не в том, что 2017 год выдался юбилейным – отмечали сто лет русской революции, причем как Февральской, так и Великой Октябрьской. Настоящим поводом вспомнить последнего императора послужила история с фильмом «Матильда». Очень многие, кто до этого совершенно не интересовался ни историей жизни Николая II, ни тем более русской православной традицией, вдруг решили выступить именно по этому поводу. С их точки зрения, ничего святого в Николае II не было просто по определению, и, канонизировав его, церковь просто, как всегда, ошиблась. Хотя на самом деле Русская православная церковь давно уже ответила на все вопросы по этому поводу. Давайте разберемся.

Исторические факты в принципе не дают возможности говорить о членах царской семьи как о христианских мучениках. Почему? Потому что мученическая смерть предполагает для человека возможность через отречение от Христа спасти свою жизнь. Семью Николая II убивали именно как императорскую семью. Люди, которые их убивали, имели вполне себе четко обозначенные политические взгляды и воспринимали семью Николая II как символ глубоко ненавистной им императорской России. Именно по этой причине семья Николая II прославлена в чине страстотерпчества. Характерен он именно для Русской православной церкви. В этом чине традиционно канонизируют русских князей и государей, которые, подражая Христу, с терпением переносили нравственные и физические страдания и даже смерть от рук политических оппонентов.

Тогда в Синодальную комиссию по канонизации святых Русской православной церкви было представлено пять докладов. Все они были посвящены изучению государственной и церковной деятельности последнего из династии Романовых – Николая II. Комиссия установила, что сама по себе деятельность Николая Александровича не дает достаточных оснований как для его канонизации, так и, разумеется, для канонизации членов его семьи. Однако потом последовало положительное решение комиссии, и основывалось оно на двух других докладах: «Последние дни царской семьи» и «Отношение церкви к страстотерпчеству».

Большинство свидетелей, которые оставили воспоминания о жизни в период тобольского и ипатьевского заточения, утверждали, что царская семья – это люди страдающие, но покорные воле Божьей. И несмотря на не самую благоприятную для них обстановку, они искренне стремились воплотить заповеди Евангелия. Здесь необходимо уточнить. Эти свидетельства, вне всякого сомнения, принадлежат комиссии Соколова, который потом проводил следствие и написал целую книгу «Убийство царской семьи», вышедшую в Берлине в 1925 году. В Советском Союзе точно так же существовали воспоминания о последних днях царской семьи. Наиболее подробно они были опубликованы в сборнике «Исповедь цареубийц», вышедшем в 2008 году. Естественно, в этой книге ни про какое Евангелие, ни про какое христианское служение Николая II вы, уважаемые читатели, ничего не найдете. И понятно почему: эти документы составлялись в годы советской власти, и тогда, мягко говоря, в голову никому бы не пришло рассуждать о православном духе царской семьи.

Именно поэтому, изучив все документы, комиссия пришла к выводу, что есть действительно серьезные основания для прославления семьи Николая II в лике страстотерпцев. Тем более что до нас дошли слова Николая II, которые он сказал генералу Дубенскому, состоявшему в его свите в качестве официального историографа: *«Если я помеха счастью России и меня все стоящие ныне во главе ее общественных сил просят оставить трон и передать его сыну и брату своему, то я готов это сделать, готов даже не только царство, но жизнь*

отдать за Родину. Я думаю, в этом никто не сомневается из тех, кто меня знает». В свою очередь, императрица Александра Федоровна писала в Царском Селе, что она счастлива, что семья находится не за границей, а осталась на родине. И она хочет с любимым больным человеком (подразумевается, естественно, цесаревич Алексей) с любовью и волнением следить за тем, что происходит со страной. Здесь возникает очень важный и тонкий момент, который стал предметом глубокой полемики в медиапространстве, – означает ли прославление Николая II в лике страстотерпца то, что церковь официально поддерживает монархическую идею как таковую и политическую линию, которая проводилась последним императором из династии Романовых?

В многочисленных воспоминаниях о Николае Александровиче и его жизни дается, мягко говоря, критическая оценка его государственной деятельности. Больше всего, конечно, ему досталось за отречение от престола, которое, несомненно, было. То, что сегодня отдельные странные люди утверждают, что никакого отречения не было, – это не более чем конспирологическая чепуха. Я просто напоминаю, что три участника этого поистине исторического события – Гучков, Шульгин и Фредерикс – прекраснейшим образом жили потом в эмиграции, где никакие чекисты в кожанках с наганами за ними не бегали. И возможности рассказать всему миру о том, что государь-император пал жертвой заговора и отречения на самом деле не было, предостаточно. Все эти три человека являлись русскими монархистами, а двоих из них – министра императорского двора графа Фредерикса и виднейшего русского националиста Василия Витальевича Шульгина – иначе как упертыми монархистами и не назовешь. Но никто из них о том, что отречение Николая II миф, никогда не говорил.

Теория о том, что никакого отречения не было, родилась сначала в крайне правых кругах русской эмиграции, а затем была последовательно расширена, дополнена и переработана современными российским конспирологами. Наивно полагать, что у нас есть только конспирология из серии «Святой Сталин» или «Лаврентий Берия – величайший менеджер всех времен и народов». На другом политическом и мировоззренческом фланге есть похожие по вздорности конспирологические теории. Отречения государя не было, в крахе монархии виноваты генералы-предатели (как правило, называются три фамилии – Корнилов, Алексеев и Колчак) и опосредованно какая-то масонская ложа: то ли «Северная звезда», то ли «Полярная звезда», она у разных конспирологов (почему-то) называется по-разному. Ну да Бог с ним. Вернемся к исторической реальности.

Отречение Николая II, безусловно, являлось политической ошибкой, и церковь это признавала еще в 1920-х годах. Я имею в виду Русскую православную церковь за рубежом. Желание Николая с помощью отречения не допустить гражданской междоусобицы, конечно, оправданно с точки зрения нравственности. Но вовсе не с точки зрения политики и здравого смысла, потому что надо было быть невероятно наивным человеком, чтобы полагать, что он отречется от престола и все на этом закончится. Все с этого только началось, и последующие роковые события тому лишнее подтверждение.

История не терпит сослагательного наклонения, но если б Николай II силой подавил революционную стихию, он бы с большой долей вероятности вошел в историю как очень серьезный государственный деятель. Возможно, его бы даже сравнивали с отцом – Александром III Миротворцем. Но при этом, конечно же, ни о какой святости речь бы не шла. Именно поэтому Синодальная комиссия Русской православной церкви по канонизации не обошла стороной эти жесткие, неприятные критические моменты, которые, конечно, характеризовали Николая Александровича Романова не с самой лучшей стороны. Но при этом ведь канонизирован он не за свой характер – характеры у всех разные, а за мученическую смиренную кончину. Согласитесь, это – принципиально иная вещь.

Хорошо, спросит кто-то, а какая же может быть канонизация, если было Кровавое воскресенье 9 января 1905 года, Ленский расстрел 1912 года, влечение к спиритизму и, в конце

концов, «старец» Григорий Распутин? Действительно, в материалах Синодальной комиссии по канонизации семьи Николая II есть документы, которые разбирают по отдельности и Кровавое воскресенье, и Распутина, и проблему отречения. Все это оценивалось иерархами Русской православной церкви именно с точки зрения, заслуживает ли последний царь канонизации или нет. Давайте и мы посмотрим трезво на эти вещи.

Что произошло в Санкт-Петербурге 9 января 1905 года? Все мы со школы знаем советскую трактовку этих трагических событий, но давайте учитывать, что массовые беспорядки в столице Российской империи были крайне непрофессионально подавлены «силовиками», поэтому сложно говорить о том, что в этом была проявлена злая воля последнего царя из династии Романовых. Все познается в сравнении: посмотрите, как «профессионально» подавлялись, например, Кронштадтское или Тамбовское восстания большевиками. Кроме того, давайте также вспомним, что лично Николай II во время Кровавого воскресенья никаких приказов не отдавал. Он находился в Царском Селе и ориентировался на доклады министра внутренних дел и градоначальника Санкт-Петербурга. Конечно, за действия своих подчиненных Николай Александрович нес ответственность как император, но он тогда и записал в своем дневнике: *«Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело».*

Утверждающим, что все приказы 9 января отдавал непосредственно государь-император, я хотел бы напомнить, к примеру, 1937 год. Приказы арестовывать и «шить» расстрельные дела, как известно, отдавал нарком внутренних дел Николай Ежов, и, наверно, с него в том числе надо и спрашивать. Но почему-то многие спрашивают только со Сталина, а Ежов в их картине мира – лишь какой-то незначительный винтик сталинской системы. Мало ли какие расстрельные списки он подготовил по собственной инициативе? В любом случае во всех нарушениях социалистической законности виноват исключительно Сталин. Мягко говоря, эта точка зрения не очень соответствует исторической действительности.

Беда очень многих руководителей нашей страны, которая передавалась им как родовая травма, заключается в невозможности уследить за всем самому. Ты вынужден поручать решение каких-то вопросов ближайшим помощникам, а уж они в меру своего представления о проблеме начинают каким-то образом действовать. Поэтому давайте не будем забывать, что ответственность за Кровавое воскресенье лежит и на министре внутренних дел, и на градоначальнике Петербурга. Не говоря уже о том, что из списка виновных странным образом выпадает целый ряд организаторов самого шествия рабочих к Зимнему дворцу.

Церковь сказала, что при детальном изучении этой темы можно, в общем, несколько иначе взглянуть на фигуру последнего русского государя-императора. При этом надо понимать, что никогда Русская православная церковь его целиком и полностью не оправдывала. Канонизированный святой – это вовсе не безгрешный, как многие почему-то думают. У нас почему-то о традициях православной веры обожают рассуждать люди, которые сами никогда в церковь не ходят. Всем этим деятелям я хотел бы объяснить, что драма страстотерпчества – так называемое непротивление смерти – заключается как раз в том, что именно немощные люди, которые зачастую немало грешили, находили в себе силы, духовное мужество, чтобы побороть собственную природу и умереть с именем Христа на устах.

Хорошо, скажет мне кто-то, а почему тогда не канонизированы слуги царской семьи? Они ведь точно так же были расстреляны.

Тогда чем подвиг Николая II отличается, например, от подвига генерала Рузского, зарезанного знаменитым участником борьбы за советскую власть на Северном Кавказе Георгием Атарбековым, или десятков тысяч людей, которые точно так же в силу политических гонений пострадали в эпоху Гражданской войны? Ответ на самом деле очень простой. Слуги с точки зрения церкви погибли как люди, которые исполняли свой профессиональный долг перед цар-

ской семьей. Они, конечно, достойны канонизации, с этой точки зрения, – ну потому что если канонизировали Николая II, то почему не канонизировать людей, которые погибли ровно в ту же минуту? Но в Русской православной церкви нет еще пока чина прославления мирян, которые принимали мученическую смерть, оставаясь верными служебному и нравственному долгу. Именно по этой причине люди, которые погибли в годы Гражданской войны и политических репрессий – миллионы из них, с этой точки зрения, являются мучениками, но, разумеется, их пока еще никто не прославил. Но это не означает, что церковь о них не помнит.

Почему же церковь, спросят меня, не говорит о том, что, если государь-император отрекся от престола, он перестал быть помазанником Божиим, став простым гражданином – полковником Романовым, почему церковь не говорит о том, что он таким образом искупил грехи перед всем народом?

Ну вот тут как раз все упирается в нецерковное понимание проблемы. Русская православная церковь – что Московского патриархата, что Русская православная церковь за границей – никогда не утверждала, что Николай II был искупителем грехов всего русского народа. Потому что с точки зрения православия вообще существует только один Искупитель – это сам Иисус Христос. Эта теория появилась опять же в 90-х годах от очередного поколения конспирологов, которые договорились до того, что, оказывается, Николай II, будучи расстрелянным, искупил грехи всей страны, включая даже тех, кто родился там через десятилетия. Опять же все эти люди о православной традиции знают крайне мало, поэтому-то и брались делать подобного рода суждения. Естественно, что они публиковались в своеобразной печати, ну а уж в эпоху Интернета подобного рода откровений можно найти великое множество.

В 2009 году Генеральная прокуратура России реабилитировала членов семьи Николая II в соответствии со ст. 1 и пп. «в», «е» ст. 3 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий». Кроме Романовых, под реабилитацию попали и их слуги. Анализ документов позволил Генпрокуратуре сделать вывод, что действительно все расстрелянные в Ипатьевском доме 18 июля 1918 года подверглись репрессиям в виде ареста, высылки и нахождения под надзором органов Чрезвычайной комиссии без предъявления обвинения в совершении конкретного преступления по классовым и социальным признакам.

Совершенно очевидно, что богатые спекуляции по этой теме будут продолжаться и дальше. Потому что еще у целого ряда людей существует идея о том, что необходимо всенародное покаяние за убийство царской семьи. Причем несколько раз это уже даже обсуждалось церковью. Но давайте не будем забывать, что это очень яркий пример, когда церковное понимание традиции начинает дополняться неким философским, политическим или даже историческим смыслом. И конечно, на это церковь пока пойти не готова.

Все, кто хотел что-либо узнать о трагических событиях в Ипатьевском доме, давным-давно это сделали. Все возможные документы – как находящиеся в архивах Советского Союза, а теперь современной России, так и хранившиеся в Русском зарубежье, – уже много лет как опубликованы и доступны всем желающим. Другой вопрос, что читать это большинству попросту неинтересно. Наоборот, эти люди хотят размышлять с исторической точки зрения, с православной, с философской – с какой угодно. И все бы ничего, только все эти размышления базируются, к сожалению, не на знаниях, как должно было бы быть, а на вопиюще звенящей безграмотности. И именно по этой причине до сих пор в обществе происходит какая-то полемика, хотя все нормальные люди уже давным-давно сопоставили факты и сделали для себя правильные выводы обо всем, что происходило сто лет назад – 18 июля 1918 года – в Ипатьевском доме.

Я подозреваю, что недалек тот час, когда отдельные люди договорятся до того, что Синодальная комиссия Русской православной церкви не понимает православную традицию и Генпрокуратура тоже поступает неправильно – все это мы уже проходили многократно. С любым историческим периодом в XX столетии у нас всегда ровно одна и та же история: никто ничего

не понимает, только условно какой-нибудь многоуважаемый Евтей Данилович Кузькин, написавший какую-то удивительную статью, опубликованную на каком-то сайте, который посещает целых пятнадцать человек. Только перед Кузькиным одним открылась истина, и все должны немедленно пасть ниц перед сим могучим интеллектуалом.

Что поделать – традиция у нас такая.

Верховный правитель России адмирал Колчак (1874–1920)

Еще в начале нулевых годов в Иркутске был поставлен памятник Верховному правителю России адмиралу Колчаку. Однако за последние только два года вокруг этого памятника началось просто невероятное оживление. Сторонники движения Кургиняна требуют монумент снести, поскольку считают Колчака военным преступником. Их даже не смущает то обстоятельство, что само определение «военный преступник» появилось только на Нюрнбергском военном трибунале в 1946 году. А Колчака, к их сведению, судили и расстреляли в 1920 году. Против сноса памятника адмиралу, естественно, выступает тот сегмент общественности, который отождествляет себя с Белым движением. С обеих сторон сказано масса всего, обе стороны волнует идеология. Нынешние продолжатели дела комиссаров напяливают на себя пыльные шлемы. Нынешние продолжатели Белого дела натягивают на себя ладные марковские или корниловские гимнастерки. Реальная же история остается где-то за кадром.

Приведу самые простые примеры. «Комиссары» кричат о том, что Колчак – английский шпион, что он был завербован британской разведкой. С чего они это взяли? Не существует на сегодняшний момент ни одного доказательства этой ахинеи. Введена в оборот эта богатейшая мысль была одним российским публицистом. Фамилию называть не стану, потому что он постарался скрыться за псевдонимом – давайте сохраним ему инкогнито. Действительно, Колчак был интересен британцам, но не как шпион, а как моряк. После отставки он отправился в Соединенные Штаты во главе специальной миссии по прямому указанию Керенского. Ехал адмирал действительно через Англию, но пробыл там всего две недели, и его контакты с британцами были мимолетными. Но насколько же популярен и живуч миф об агенте Колчаке! Не проходит и дня, чтобы кто-нибудь мне в Твиттере не написал про этого коварного британского шпиона.

У Александра Васильевича Колчака есть масса грехов – при чем здесь работа на британскую разведку? Самое главное, что это постоянно повторяют те же самые люди, которых возмущает, когда наши современные белогвардейцы кричат о том, что Ленин был немецким шпионом и вернулся в Россию по заданию кайзеровского генерального штаба. По сути, и те, и другие – два сапога пара. У одних Ленин немецкий шпион, у вторых Колчак британский шпион. При чем же здесь история? Все это в чистом виде идеология.

Колчак имел самое прямое отношение к иностранным державам и держался на британских штыках, утверждает одна из сторон. Вспоминают при этом знаменитую частушку: *«Мундир английский, / Погон французский, / Табак японский, / Правитель омский...»* Действительно, все это было. При том, что еще и союзники – подчиненные Колчака – все время зудели о том, что он негибок, и постоянно припоминали адмиралу, что он сейчас отстаивает стратегические и национальные интересы России, а на самом деле надо сначала задавить большевиков, а уже потом начать заниматься вопросами национальных интересов. Что под этим подразумевалось?

1919 год. Регент Королевства Финляндия Карл Густав Эмиль Маннергейм предлагает генералу Николаю Николаевичу Юденичу ударить по большевикам с севера, взамен же просит признать независимость Финляндии. Колчак категорически запрещает Юденичу вступать в эти переговоры и говорит о том, что родиной он не торгует. На этот счет существуют все возможные документы, они опубликованы, читай не хочу. Другой пример: небезызвестный французский генерал Жанен, который потом предаст Колчака и войдет в историю как «Генерал без чести», предлагает ему передать весь золотовалютный резерв России, как бы мы сказали сегодня, а тогда это называлось золотым запасом, под охрану союзников. Колчак говорит – и

это, опять же, все зафиксировано в документах, что он лучше отдаст это золото большевикам, чем позволит им воспользоваться союзником.

Массу фактов можно привести, но скажите мне, пожалуйста: мы – потомки – совершенно справедливо критикуем Колчака за то, что он в том числе имел сношения с иностранцами, хотя это была Гражданская война и негоже патриоту своей Родины этим заниматься? Я абсолютно с этим согласен, но и я могу задать вопрос: «Скажите, а у красных так ли все было чисто, прозрачно и непорочно в ходе Гражданской войны? Они совсем не пользовались услугами иностранцев?» Тогда что в рядах доблестной Рабоче-крестьянской Красной армии делали чехи, сербы, венгры и финны? (Отсылаю всех интересующихся этим вопросом к энциклопедиям, которые издавались в Советском Союзе. Там все эти полки подробнейшим образом перечислены.)

Другой пример – китайцы, которым платили русским золотом. Иона Якир, собравший этот сброд из Поднебесной, подробнейшим образом в своих воспоминаниях описывает их участие в русской Гражданской войне. Если вы критикуете Колчака за то, что у него были какие-то связи с британцами – это плохо и постыдно, а Якира вы не хотите покритиковать? Что делали китайцы в Воронеже? Посмотрите на карте, где Китай и где Воронеж. Однако нынешние сторонники комиссаров в пыльных шлемах об этом знать не знают, потому что зачем им воспоминания какого-то Якира, у них же имеется «логика»: «Якир был участником заговора против товарища Сталина, соответственно он – враг. И не надо вообще о нем говорить». Прекрасно, но если он враг, тогда вы так прямо и скажите, что в ваши славные ряды замечательных людей затесалась подлая душонка и опаскудила своим присутствием светлое Красное движение.

Я согласен, давайте критиковать адмирала Колчака – он поступал нехорошо и скверно. Но и красных тогда надо критиковать с этих же позиций. Ведь странно получается: британцы – союзники Колчака – это отвратительно, гадко и низко, а китайцы – союзники Якира – это вполне нормально. Китайцы, убивающие русских людей в Воронеже, – это нормально, а британцы, убивающие русских людей на востоке России, – это гадко. Меня категорически не устраивает подобная трактовка. Она просто свидетельствует о том, что вас не интересует история как таковая. История трагедии Гражданской войны, которая унесла миллионы жизней. Вы оцениваете эти события почему-то с точки зрения классовой борьбы. Какая классовая борьба была у китайцев в Воронеже? А венгерские товарищи уже установили диктатуру пролетариата в Венгрии, что пришли в Россию помогать большевикам?

Другой момент, который меня умиляет: Колчак осуществил переворот, свергнул демократическую директорию – это плохо, гадко и отвратительно. Скажите мне, пожалуйста, а когда Ленин свергает демократическое Временное правительство, является ли это подлостью и гадостью? И тут мы с вами с удивлением обнаруживаем, что если Ленин поступает абсолютно правильно и это Временное правительство было правительством импотентов (кстати, я целиком и полностью согласен с этой оценкой), то почему Колчак, свергающий такое же импотентное правительство демократической директории, которое все ненавидели и презирали, поступает неправильно? Ленину можно еще и разгонять Учредительное собрание пулеметами. Почему же, когда Колчак разгоняет демократическую директорию и стреляет потом эсеров, – это позорнейшее преступление против всего человечества? Не является ли это просто реалиями Гражданской войны?

У наших современных необелогвардейцев и неокommunistов идет обсуждение того, чей террор в годы Гражданской войны был системнее и страшнее – Красный или Белый, условно террор Ленина или Колчака. И тем, и другим наплевать, что в результате погибали люди, наши с вами соотечественники, деды и прадеды. Хочется спросить у этих спорщиков: вы вообще в своем уме? Вас послушать, так Гражданская война едва ли не самое большое благо в истории России. Принципиальный для этой публики вопрос – кто начал террор? Не сколько человек погибло в результате действий контрразведки Колчака и чрезвычайных комиссий, а кто первый

выстрелил из нагана в затылок взятому под арест революционеру или контрреволюционеру? А что от этого принципиально меняется в трагедии Гражданской войны?

Дальше идет обсуждение того, кто бо́льшая каналья в истории Гражданской войны. Условно генерал Жанен, который сдает Колчака и нарушает слово офицера, или красноармеец Дыбенко, который систематически не выполнял предписания Троцкого как руководителя Рабоче-крестьянской Красной армии. Друзья, послушайте, до тех пор, пока вы будете заниматься утверждением всей этой чуши, вы никуда не продвинетесь в изучении, а самое главное, в осмыслении событий Гражданской войны в России. То, что вы несете, называется психиатрия в чистом виде. Вы просто тем самым демонстрируете то, что вам спустя сто лет история не важна, а важно лишь позиционирование себя с точки зрения политики. Вам мало миллионов людей, которые погибли в огне Гражданской войны.

Еще один важный момент. В страстях, внезапно развернувшихся вокруг памятника адмиралу Колчаку, есть очень показательный момент – полемика в историческом сообществе. Один человек называет другого лживым подлецом и негодяем, а второй отвечает ему, что он красная сволочь. При таком подходе никакой вопрос решен не будет. Вы обсуждаете подлинную историю Гражданской войны на востоке России, то есть адмирала Колчака, противостоявшего силам будущего маршала Тухачевского, или вы обсуждаете передовицы «Правды» и статьи журнала «Двуглавый орел», издававшегося в Берлине Высшим монархическим советом? Что вы хотите друг другу доказать? Что никак не можете выйти из рамок идеологии? Тогда почему после этого удивляетесь, что это ваше абсолютное сектантство не интересует 98, если не 99 процентов населения страны? Гражданская война закончилась в 1920 году, если вы хотите ее продолжать сегодня, в 2018-м, то, наверное, это вопрос к вашему лечащему врачу. Почему среди всего многообразия событий истории России, в том числе в XX столетии, вас интересует только эта тема?

Мне возражают: «Ты же, Армен Сумбатович, тоже противодействуешь бандеровцам». Да, противодействую. Я противодействую попытке искажения истории ради политических целей – это принципиально важно. Историки, публицисты, общественные деятели и с одной, и с другой стороны мне говорят: «А вот раньше ты давал такие-то оценки в рамках своей программы «Теория заблуждений». Я и сейчас готов их повторить ровно в той редакции, в которой они звучали несколько лет назад, но не надо превращать историю в агитацию и пропаганду. Вас же интересует лишь идеология, потому что одни видят себя в рядах колчаковской контрразведки, расстреливающей красных, а вторые видят себя в комиссарской форме, в кожанке, с маузерами, расстреливающими недобитых буржуев.

В книге «Россия в огне Гражданской войны» я написал целую главу про адмирала Колчака. Позволю себе процитировать из нее один небольшой фрагмент: *«Профессиональный военный, искренний патриот своей Родины умудрился построить такой режим, что против него восстали почти все. И это при том, что модель государства и у белых, и у красных включала в себя одинаковую доминанту – цель превалирует над человеческой жизнью, несмотря на многочисленные политические заявления. Но даже на этом фоне Колчак выделился. Он потом на допросах будет отказываться от всего, что связано с Белым террором. В первый раз услышит, что контрразведка в Омске пыталась одного из пленных большевиков на дыбе. Он скажет, что никогда не слышал про расстрелы заложников. Но допускал, что иногда, конечно, перегибы случались. Например, что в одной деревне крестьянам отрезали уши и носы. Время беспокойное, этикет смешон, на войне всякое случается...*

Остановимся на этих словах. Вдумаемся в них. Большевики строили новое общество, устраивая террор против инакомыслия, расстреливая по классовому признаку. Это отвратительно. Но как тогда нужно относиться к тому, что их противники действовали точно так же, ничуть не уступая в жестокости, а в некоторых случаях и превосходя красных? О какой нравственности можно говорить после подобных сцен? «Деревни Жаровка и Карга-

линск были разделаны под орех, где за сочувствие большевизму пришлось расстрелять всех мужиков от 18 до 55-летнего возраста, после чего пустить «петуха». Это свидетельствует не какой-то чудом выживший большевик-подпольщик, а командир драгунского эскадрона из корпуса Каппеля штаб-ротмистр Фролов. Самый что ни на есть белый офицер. Эталон христианской морали, как считают некоторые современные публицисты. И таких Фроловых при власти Колчака были сотни. Стоит ли удивляться, что крестьянство, которому не грозило возвращение помещиков (на просторах Сибири их попросту не было), решительно поддержало красных?»

Мы с вами об этом тоже будем забывать? В угоду, так сказать, политическому вектору? Не было этого? Было. Еще раз повторю: давайте помнить о том, что совершали одни и что совершали другие. Без идеологии просто спокойно рассмотрим Гражданскую войну как таковую. Не на мотив лубочных советских кинофильмов вроде «Макара-следопыта» или «Нас водила молодость», а как тотальную обоюдную ненависть друг к другу. И сделаем для себя какие-то выводы из того, что произошло сто лет назад. Тогда погибли миллионы людей, а у нас многие до сих пор не могут уgomониться. Они до сих пор живут мыслью, что Гражданская война – это было благо для страны. У них спор идет о том, что именно считать боевыми действиями эпохи Гражданской войны. Да даже исходя из ленинского определения – начиная с мятежа чехословацкого корпуса, что от этого принципиально поменяется? Что, не было этого штаб-ротмистра Фролова из корпуса Каппеля? Он был. Что, вовсе не работали чрезвычайки? Работали. Вот об этом и надо говорить в первую очередь. Это и будет настоящей памятью о жертвах и событиях Гражданской войны в России.

И последнее – о призывах снести памятник Колчаку в Иркутске. Напомню, что у нас есть соседнее государство, где в 2014 году начали сносить памятники и до сих пор никак не могут уgomониться. Скинули с пьедесталов все монументы Ленину, теперь у них следующий объект ненависти – памятники и мемориальные доски маршалу Победы Георгию Жукову. С призывами снести памятник Колчаку чем тогда наши комиссары в пыльных шлемах отличаются от ликующего бандеровского хамья на Украине? Получается, что и в том, и в другом случае идеология до боли похожая – снести все, что не укладывается в картину мира этих удивительных людей. После этого кто-то еще возмущается тем, что отдельно взятый Гаспарян (а мне в Твиттере по этому поводу написали десятки человек) не хочет бороться с памятником адмиралу Колчаку. Безусловно, не хочу. Я, в отличие от наших доморощенных борцов с монументами, прекрасно вижу, что происходит на Украине.

Лидер анархистов Нестор Махно (1888–1934)

Вокруг фигуры Нестора Ивановича Махно – яркого представителя «Второй русской смуты», как многие называют те события, – сложилась очень своеобразная мифология, уже современная, потому что после фильма «Девять жизней Нестора Махно» появилось изрядное число людей, которые считают, что его киношный образ – это то, каким Махно и был в реальной жизни. Однако в кино показали, мягко говоря, не совсем подлинную биографию Махно.

Но то, что это была условно целая эпоха внутри Гражданской войны, вот с этим я как раз категорически не согласен, потому что, на мой субъективный взгляд, эпохи – это, конечно, и первые красные командиры, и командиры добровольческих частей – так тогда называлось Белое движение, это оно потом будет – уже скорее в 20-х годах – именоваться белогвардейским. Махно на их фоне, конечно, в значительной степени терялся, чему были вполне себе серьезные объяснения: ну недотягивал он по уровню ни до первых красных кавалеристов, ни до командиров «цветных» частей Белой армии (корниловских, марковских, алексеевских, дроздовских).

Но рассказать о фигуре Нестора Махно стоит хотя бы потому, что среди многочисленных лидеров различных частей в годы Гражданской войны на Украине он, безусловно, выделялся. Интересно, что Махно совершенно не заботит нынешние украинские власти и, по сути, достаточно сильно забыт. То есть если красных командиров постоянно подвергают обструкции за оккупацию современной Украины, если белых генералов обвиняют в желании еще больше закабалить Украину, то про Махно сказать подобное невозможно, поэтому проще вообще игнорировать сам факт его существования. Ведь этому тоже есть объяснение: он же понимал свободу вовсе не как уникальную возможность в буквальном смысле стать вассалом европейских ценностей. Он придерживался совершенно диаметральных взглядов, был с этой точки зрения человеком последовательным, поэтому понятно, что в новую украинскую мифологию он, конечно, не вписывается. Как, собственно говоря, туда не вписывается никто из действовавших тогда на территории Малороссии деятелей эпохи Гражданской войны.

Нестор Махно выделяется в списке так называемых атаманов, сегодня их называли бы полевые командиры. Он был человеком очень идейным. Член анархического Союза вольных хлеборобов аж с 1906 года, террорист, бессрочная каторга. Он, пожалуй, единственный из людей, придерживавшихся анархических взглядов, действительно смог создать и какое-то время даже поддерживать на плаву вольную территорию, которая включала в себя ряд районов Донецка, Запорожской и Днепропетровской областей.

После Февральской революции Махно освобождают из тюрьмы, он возвращается на родину – знаменитое Гуляйполе, нынешняя территория Запорожской области, – выбирается председателем гуляйпольского крестьянского союза, потом совета рабоче-крестьянских депутатов, становится комиссаром, разоружает помещиков и буржуазию, готовит экспроприацию церковной и помещичьей земли. После оккупации территорий Украины австро-венгерскими и немецкими войсками он переходит к вооруженному сопротивлению, и его революционная повстанческая армия насчитывала в разные периоды до 100 тысяч человек. Это сила по реалиям Гражданской войны весьма и весьма существенная. Так, Добровольческая армия генерала Корнилова выступила в Первый Кубанский поход, имея всего 4 тысячи человек. А у Врангеля в Крыму было чуть больше 25 тысяч штыков. Имеется в виду, разумеется, численность устойчивого состава. Сравните это со 100 тысячами штыков у Махно.

Фигура Махно для современной Украины, конечно, невероятно неудобная, потому что помимо воспеваемых там Украинской державы гетмана Скоропадского, Западно-украинской республики существовали держава Махно, Советская держава, Донецко-Криворожская рес-

публика. Были белогвардейские области. Интересно, что к каждому из этих государственных образований у Махно было свое отношение, которое по итогам Гражданской войны в значительной степени трансформировалось, но только в отношении белогвардейцев – их он считал своими главными врагами. Но он делал ровно то же самое и по отношению к гетманской Украине, по отношению к Украинской Народной Республике, тем более что иногда даже совершал набеги на красные территории.

Давайте рассмотрим все по порядку. Начнем с Украинской Народной республики. Он еще в декабре 1917 года максимально точно обозначил свое отношение. Совет Гуляйполя вынесет резолюцию: «Смерть Центральной Раде». Вы знаете, большевики, несмотря на весь радикализм, несмотря на все неприятие того, что происходило в Киеве, подобного лозунга не выдвигали. А белогвардейцы, которые люто ненавидели любое проявление сепаратизма в пределах исторической России, тоже лозунг «Смерть Центральной Раде» не использовали. Его использовал Нестор Махно. Понятно, что сегодня ему на Украине это едва ли кто-то простит.

Махно последовательно будет бороться и с правительством Скоропадского, и с войсками Австро-Венгерской империи. После образования Украинской Народной Республики немедленно вступает в вооруженное противостояние с ней. По двум причинам. Первая – это, конечно, национализм. Махно взгляды украинских националистов были, мягко говоря, не близки, он относился к ним весьма и весьма критично, о чем сохранилось множество свидетельств.

Вторым пунктом был земельный вопрос. Потому что, конечно, анархист Махно едва ли мог бы договориться с буржуазными, как тогда их называли, политиками. По той лишь причине, что классовая борьба, которая действительно тогда существовала в полном объеме, не оставляла противоборствующим сторонам никакого иного варианта развития событий.

Но при этом ведь – мне всегда могут сказать – Махно дважды заключал договор с Петлюрой. Это правда. В конце 1918 года – первый раз и второй раз в середине 1919 года. Но так на то были причины. Союз был тактический: Махно нужны были боеприпасы и оружие, его армия постоянно испытывала дефицит того и другого. Но он, кстати, обращался многократно и в Москву с просьбой предоставить ему оружие и боеприпасы, но снабжение оставляло желать лучшего. Плюс не надо забывать, что у них был общий враг: и у Петлюры, и у Махно главным врагом было Белое движение. Собственно, как и у Белого движения не было абсолютно никаких иллюзий по поводу того, как надо поступать с Махно.

Во многом союз был даже, наверно, и не тактический, а фиктивный. Потому что, получив оружие и боеприпасы у петлюровцев, первое, что сделали махновцы, – это взяли Екатеринославль. Так раньше назывался нынешний город Днепр, еще не так давно носивший название Днепропетровск. А во второй раз заключив союз с Петлюрой, вот этот вот абсолютно фиктивный, Махно всерьез размышлял о том, что его надо ликвидировать. Как атамана Григорьева. Ну, арестовать на переговорах и потом расстрелять. Тогда история могла бы повернуться несколько иначе.

Но что-то Махно помешало. В эмиграции он не очень охотно об этом вспоминал, предпочтя рассказывать о своей борьбе с Белым движением. Ну, действительно, это была достаточно яркая страница в биографии Махно – противостояние Добровольческой армии и казакам Всевеликого Войска Донского, которые в 1919 году объединяются и создают Вооруженные силы Юга России.

«Главный наш враг – Деникин», – так Махно обозначил свою принципиальную позицию. Здесь произошло смещение идеологических воззрений Махно и личностного отношения. Безусловно, для Нестора Ивановича и Антон Иванович Деникин, и генерал Романовский, и Лукомский, и кто угодно еще из лидеров Белого движения на Юге России были прямыми преемниками тех людей, с которыми Махно боролся с помощью оружия и террора с 1906 года. При этом его абсолютно не волновало, что процент монархистов в Белом движении на

тот момент не был таким уж преобладающим, и скорее здесь можно, наверно, говорить о том, что Белое движение стояло – ну, по крайней мере на тот исторический момент времени – на республиканских позициях.

Махно это совершенно не волновало: царские генералы, опричники и так далее. И именно его рейд в 1919 году, по сути, по тылам Вооруженных сил Юга России во многом и помешал выполнению «Московской директивы» – если просто кто-то не знает, так назывался план наступления на Москву белых сил. Ну прежде всего, конечно, армии генерала Деникина. Больше того, совершив этот рейд, Махно в некотором роде и оттянул конец – закономерный абсолютно – Украинской Народной Республики, потому что силы были брошены на подавление вот этих вылазок и во многом их не хватало. И на основном театре военных действий – имеется в виду поход на Москву, – и, конечно, для зачистки территории Украины от остатков петлюровских частей.

Да, это, конечно, произойдет, но уже, по сути, на излете Белого движения и едва ли на что-то серьезно могло повлиять.

Большевики, с одной стороны, к Махно относились как к союзнику (тактическому), но, с другой стороны, не очень-то его любили и признавали. Два раза заключался союз между красными и анархическими формированиями, хотя нельзя сказать, что Махно отвечал большевикам какой-то всепоглощающей, всеобъемлющей любовью. Да, уже с лета 1918 года можно говорить о сотрудничестве: Махно побывал в Москве, принял участие в съезде анархистов, встречался с Лениным. И именно тогда был создан его первый партизанский отряд – сначала как автономная единица, потом он войдет в состав вооруженных сил Украинской Советской Республики. Но идеологии-то у Махно и большевиков были разные. Махно открыто критиковал решения украинского съезда Советов, в частности по вопросу национализации земли. Пресса большевиков в ответ подвергала Махно обструкции.

Сначала получилось не очень удачно: Белое движение атаковало позиции анархистов, в результате 600 километров разделяло Махно с его столицей Гуляйполе. Но конфликт-то тлел, тлел с большевиками и должен был чем-то все-таки закончиться. Он сам говорил о том, что коммунисты все же революционеры, с ними можно будет потом разобраться, а сейчас все надо направить против Деникина. Потом он точно так же будет поступать с Врангелем и даже казнить парламентаря, что само по себе говорит о многом, потому что так, мягко говоря, поступать было не очень принято. Но у Махно были свои правила, которые он сам и соблюдал.

Второй союз был заключен уже во время Перекопско-Чонгарской операции 1920 года – так в советской историографии называлась ликвидация белого Крыма. Но в результате закончилось все трагически как для Врангеля, чья армия должна была эвакуироваться из России за границу, так и для Махно, потому что большевики постановили зачистить территорию Украины от всех анархических объединений и банд. Можно долго спорить о том, мог ли этого избежать Махно или нет. Но мне кажется, что самого предмета полемики, по сути дела, не существует: Махно последовательно отвергал программу большевиков, а они были, пожалуй, единственной серьезной силой в стране. Именно по этой-то причине большевики и победили в Гражданской войне. Потому что в смуте побеждает наличие идеи. Белое движение никакой серьезной идеи выставить не смогло. Конечно, для любого государственника формулировка «единая великая и неделимая Россия» звучит достаточно красиво, и вроде как не поспоришь, но потом-то надо задать вопрос: «Хорошо, а что дальше? Как решать земельный вопрос и многие другие вопросы?» Лидеры Белого движения об этом не задумывались. Их программа была очень простой: надо свергнуть большевиков, закончить Гражданскую войну, а уж потом Учредительное собрание решит форму существования России и исходя из того, какой она будет, начнет давать ответы на все насущные вопросы государственности. Эту программу очень четко выразил Юденич: *«У русской белой гвардии одна цель – изгнать большевиков из России. Политической программы у гвардии нет. Она и не монархическая, и не республиканская. Как воен-*

ная организация, она не интересуется вопросами политической партийности. Ее единственная программа – долой большевиков!» Согласимся: с такой идеей победить невозможно.

У Махно была идея установления на территории Украины некой анархической вольницы. Но жизнь показала утопичность всех этих планов. Реализовать их было почти невозможно, с чем Махно и столкнется очень быстро. А самое главное, он столкнется с новой русской государственностью. Большевики на первом этапе своей деятельности строили абсолютно новую государственную модель, отрицая вообще всю предшествующую историю России. Потом, конечно, очень многие эпизоды вернутся в историю, а очень многие традиции – из забвения.

Тогда же Махно столкнулся с целым рядом глубинных противоречий. Прежде всего по земельному вопросу, который был движущим фактором русской революции. Большевикам придется смягчить на определенном этапе свою политику – надо было перехватить политический момент у того же Махно и в то же время отстроить хотя бы некие предпосылки социальной базы. Давайте вспомним, что подразверстку заменили продналогом, и, соответственно, стало непонятно, за что должны воевать крестьяне в составе войска Махно, когда большевики дают им землю.

Потом государство ведь не может существовать в некоем безвоздушном пространстве. На бумаге, в теории, наверно, может, но на практике-то этот номер не проходит. У вас нет никакой легитимности. Да, вы успешнее так называемого украинского государственного проекта, который не способен был распорядиться ничем – ни ресурсами, ни помощью союзников, абсолютно аморфное существование. Но вы же не сильно дальше продвинулись. Да, вы пытались решать в том числе и национальный вопрос, противопоставляя себя Петлюре, не допуская еврейских погромов, больше того, даже призывая евреев в свою повстанческую армию. Но дальше-то что? Удалось сильно продвинуться на этой ниве? Нет. Потому что опять-таки ты находишься в тени политики большевиков. И ты вынужден ее постоянно каким-то образом корректировать, у тебя остается все меньше и меньше той самой индивидуальности, в какой-то момент становится вообще не очень понятно, за что ты.

Конфликт с ленинской партией на самом деле, наверно, можно было разрешить. Был же пример Котовского. Тот тоже был анархистом (хотя на некоторых этапах все же склонялся к левым идеям), но в выборе между анархией и новой государственностью выбрал новую государственность. Махно мог бы, наверно, поступить точно так же, ведь подобный выбор делали и многие матросы Центробалта.

Вообще же, если копнуть глубоко, выяснится, что анархическая идея Махно эпохи Гражданской войны анархична только по отношению к Белому движению, русской монархии и национальному правительству. Махновцы ведь отрицали не государство как таковое – это принципиально важно. Они отрицали государство, которое сохраняет привычные формы. А конкурировать с государственностью другой, которая стоит на более актуальной идеологии, уже невероятно сложно. Потому что ты сам занимаешься ровно тем же самым. По этой причине были изначально обречены все украинские правительства, поскольку никакой серьезной альтернативной идеи предоставить они в принципе не могли.

Для Махно поражение в Гражданской войне стало, по сути дела, итогом всей жизни. Бегство за границу, написание мемуаров, смерть в эмиграции (он похоронен на знаменитом парижском кладбище Пер-Лашез). И потом политическое и историческое забвение. Он останется в тени более удачливых с политической и военной точки зрения большевиков и более принципиальных лидеров Белого движения, и даже, как это ни парадоксально прозвучит, он будет в тени деятелей гетманской Украины и Украинской Народной Республики.

История, по сути, сама вынесла вот этот вердикт. У Махно были возможности распоряжаться своим политическим багажом, своей политической удачей лучше. Сделать этого он не смог. Не смог по причине того, что, как и многие другие революционеры той эпохи, Махно был абсолютным рабом собственных идей. Доктрина превыше всего. Отступление от доктрины

воспринималось им как политическая смерть. И он так и не смог осознать, что политическая смерть уже дышала ему в затылок, по сути, с первого дня. Потому что противостоять белогвардейцам он еще мог, а вот большевикам – нет. Не потому, что большевики были условно более удачливыми в этой политической борьбе. Просто у большевиков нашлось сильно больше талантливых агитаторов, которые сумели убедить население бывшей Российской империи в том, что именно это правительство нужно поддержать.

У Махно с этой точки зрения, конечно, ситуация была прискорбная. Потому что все знают про его замечательные ораторские способности, но попросите любого человека назвать хотя бы еще тройку видных анархистов той эпохи – и вы поймете, что едва ли это кто-то может сделать. Гуляйпольская республика всегда будет ассоциироваться только с одним человеком – с Нестором Ивановичем Махно. Только самые большие знатоки вопроса могут вам назвать еще кого-нибудь. Махно оказался символом крушения собственных иллюзий и собственной политики. Печально, но закономерно.

Красный командир Николай Щорс (1895–1919)

Николай Щорс – фигура весьма и весьма любопытная, даже по меркам Гражданской войны. О его гибели за последние тридцать лет – со времен перестройки, когда начали пересматривать все, что только можно, – в обществе культивируется огромное количество мифов. У Щорса с этой точки зрения несчастливая судьба, потому что многие знают песню *«Шел отряд по берегу, шел издалека. Шел под красным знаменем командир полка...»*, но на этом, по сути дела, все познания о том, кто он такой был и чем занимался, у подавляющего большинства заканчиваются. Давайте же попробуем вернуть из исторического небытия этого красного командира.

Начнем по порядку. В июле 1918 года в Курске сформировали Всеукраинский центральный военный революционный комитет, который планировал осуществить большевистский переворот. Нужны были командиры с опытом боев в этом регионе, и Щорс, в общем, оказался как нельзя кстати: у него такой опыт имелся. Ему нужно было сформировать из числа местных жителей полк, который войдет потом в состав 1-й Украинской повстанческой дивизии. Щорс блестяще справляется с этой задачей – становится командиром, и в документах потом этот полк будет обозначаться как Украинский революционный полк имени товарища Богуна. Одна из самых действительно эффективных красных частей на том самом направлении. Уже в октябре 1918 года Щорса назначают командиром второй бригады в составе Богунского и Тарашанского полков 1-й Украинской советской дивизии. Он проводит достаточно успешные операции в районе Чернигова, Киева и Фастова. 5 февраля 1919 года временное рабоче-крестьянское правительство Украины назначит Щорса военным комендантом Киева и наградит его почетным золотым оружием. Это вообще характерно для «Второй русской смуты», как многие современники называли те события. Часто военными дарованиями оказывались люди, которые в принципе в любой другой ситуации едва ли выбились бы на первые роли, зачастую очень молодые, но с харизмой, обладавшие невероятной целеустремленностью. Их энергетике и решительности вообще можно только завидовать. Не случайно там, например, в рядах Белого движения были генералы по 25–26 лет от роду. Это и Скоблин, и Туркул, и Манштейн-младший. Но и у красных была примерно такая же ситуация. Яркий пример этого – Щорс.

Летом 1919 года силы украинской Красной армии (тогда это называлось повстанческие части) вливаются уже в действующую Рабоче-крестьянскую Красную армию. Соответственно, дивизии Щорса становятся частью 44-й стрелковой дивизии РККА, которую Щорс и возглавляет. Произошло это событие 21 августа 1919 года, но, к несчастью для Щорса, он пробудет в этой должности всего девять дней, потому что уже 30 августа погибнет в бою с частями петлюровской Галицийской армии. Щорса торжественно похоронят в Самаре, где жили родители его жены. Его дочь родится уже после смерти боевого красного командира.

Интересно, что при всей его посмертной славе в 20-х годах имя Щорса едва ли что-то говорило кому-то на территории Советского Союза. Он был, вне всякого сомнения, в тени и Ворошилова с Буденным, и Чапаева с Котовским, и Тухачевского с Блюхером, и десятков других выдающихся деятелей Рабоче-крестьянской Красной армии эпохи Гражданской войны. Щорс был просто одним из командиров дивизии. Таких было очень много. Да, конечно, он выделялся на общем фоне. Да, вне всякого сомнения, его страшно любили подчиненные, но повторяю, таких командиров, как он, было много. Культ Щорса появился уже в 30-х годах, и появился он во многом благодаря лично товарищу Сталину. Когда в 1935 году Иосиф Виссарионович будет вручать кинорежиссеру Довженко орден Ленина, то заметит, что вообще было бы неплохо снять фильм про украинского Чапаева. Именно так он обозначил Щорса. Есть

в этом, конечно, некая ирония судьбы, потому что Щорс был человеком вполне самодостаточным, и сравнивать его с Чапаевым, ну, можно, наверное, по причине той любви, которую питали солдаты к своим комдивам, и преждевременной кончины обоих. На этом на самом деле сходство-то и заканчивалось. Но эта сталинская формулировка укоренилась в общественном сознании – украинский Чапаев.

Фильм «Щорс» появился в 1939 году. Его выход предваряли многочисленные книги, воспоминания, статьи и даже песни. В 35-м появилась та самая знаменитая на музыку Матвея Блантера (автора «Катюши») и слова Михаила Голодного «Песня о Щорсе». Сегодня, конечно, это замечательное произведение плотно забыто, но судя по воспоминаниям, в конце 30-х – начале 40-х годов, то есть еще до Великой Отечественной войны, эта песня была невероятно популярной, и распевала ее почти вся страна.

*Шел отряд по берегу,
Шел издалека,
Шел под красным знаменем
Командир полка.
Голова обвязана,
Кровь на рукаве,
След кровавый стелется
По сырой траве.*

*«Чьи вы, хлопцы, будете,
Кто вас в бой ведет?
Кто под красным знаменем
Раненый идет?»
«Мы сыны батрацкие,
Мы за новый мир,
Щорс идет под знаменем —
Красный командир.*

*В голоде и холоде
Жизнь его прошла,
Но не даром пролита
Кровь его была.
За кордон отбросили
Лютотога врага,
Закалились смолоду,
Честь нам дорога».*

*Тишина у берега,
Смолкли голоса,
Солнце книзу клонится,
Падает роса.
Лихо мчится конница,
Слышен стук копыт,
Знамя Щорса красное
На ветру шумит.*

Именем Щорса стали тут же по замечательной советской традиции называть улицы, площади, переулки, школы, предприятия. Памятники ему появлялись, где только можно, то есть, вернее, там, где Щорс был при жизни. В 1954 году в честь трехсотлетия воссоединения Украины и России памятник Щорсу появился и в Киеве. И вот в этом образе великого народного героя, крупного деятеля Гражданской войны, красного лихого командира Щорс пребывал вплоть до начала перестройки. Однако особенно досталось Щорсу даже не в эпоху распада Советского Союза, а сразу после Евромайдана, потому что для людей, совершивших антигосударственный переворот, Щорс являлся не кем иным, как злостным оккупантом, наймитом московского империализма (почему-то они так стали называть деятелей большевиков) и вообще злыднем, каких мало, который только и делал, что истреблял правильных украинцев.

Действительно, большую часть своей жизни Щорс как раз с украинскими самостийниками и воевал. Особенно доставалось от него петлюровским гайдамакам. А ведь именно эти люди в клоунских колпаках жовто-блакитного цвета сегодня на Украине объявлены национальными героями, примерами для подражания, подлинными носителями государственной идеологии. И уж конечно, человека, который громил их на фронтах Гражданской войны, никогда в этой стране не простят. Это общая тенденция, связанная со всей совместной историей России и Украины в XX столетии, и я об этом уже много раз писал и говорил, повторяться не буду, поскольку ничего нового пока добавить к этому, к сожалению, не могу.

Гораздо более интересная история, конечно, связана с тем, как именно погиб Щорс. Классическая советская версия гласит, что он пал жертвой очереди из петлюровского пулемета. Но, как и в случае с Котовским, его подчиненные искренне считали, что на самом деле все обстояло не так и Щорс был убит своими. Такая смелая версия начала бродить еще в 1930-х годах. В 49-м году даже пришлось проводить эксгумацию, чтобы, так сказать, положить конец этим всем бушующим слухам, потому что слишком многие стали сомневаться в том, что именно петлюровцы убили Щорса. Результаты были засекречены, потому что они очень сильно огорчили следствие. Экспертиза показала, что Щорс действительно был убит выстрелом в затылок. Получается, что стрелял в него все же кто-то из своих.

При Хрущеве, в начале 1960-х годов, очень модной стала теория о том, что таким образом устраняли одного из потенциальных лидеров Рабоче-крестьянской Красной армии. Огорчительно, конечно, но обвинить в этом товарища Сталина не удалось по той лишь причине, что именно он был тем самым человеком, который начал широкую и полномасштабную пиар-кампанию вокруг личности Щорса. Согласитесь, если бы вы были заказчиком убийства, то это вам, в общем, совершенно не нужно. Тем более что лихих кавалеристов и лихих пехотинцев у товарища Сталина на тот момент имелось в избытке. Каждого второго командира Первой конармии вполне можно было начать пиарить. И любила бы его советская страна так же крепко, как любила Щорса. Но нет, Сталин почему-то выбрал иной объект для такого вот вселенского культа в Советском Союзе.

Давайте скажем прямо, товарищ Щорс в принципе не мог бы помешать никаким планам товарища Сталина. Дело всё в том, что они действовали на разных фронтах Гражданской войны. Товарищ Сталин прославился при обороне Царицына, а товарищ Щорс – на несколько ином направлении. В Царицыне Сталин держал оборону против белогвардейских войск, а Щорс на Украине сражался с петлюровцами.

Сразу после того, когда стало понятно, что нельзя привязать товарища Сталина к смерти Щорса, стали думать о том, что, скорее всего, виноват во всем, конечно же, Лев Давидович Троцкий. Действительно, второе лицо в советском государстве, создатель Рабоче-крестьянской Красной армии, железной рукой насаждал дисциплину, и любой человек, который брался спорить с Троцким по любому поводу, очень быстро об этом жалел. Строптивых командиров в РККА достаточно быстро вычищали. Можно, конечно, сказать о том, что именно таким и был Щорс, и его солдаты были, конечно, в первую очередь зависимы от своего командира и только

во вторую очередь от революции. Но это вообще характерно для повстанческого движения на Украине. Это было и у красных, и у анархистов, где армия батьки Махно зависела прежде всего от него самого, а вовсе не от каких-то там завоеваний революции. Примерно то же самое происходило в самостоятельных частях. Личность командира решает всё, поэтому если у вас командир лихой, отчаянно храбрый, невероятно энергичный, то вы к нему будете тянуться, и вас будет меньше всего волновать какая-то там далекая геополитика. «Тяжело крестьянину в городе» это называется.

При этом было бы странно ожидать, что Щорс будет вступать в острую конфронтацию с Троцким. Фигуры все-таки несопоставимых масштабов. Щорс всего лишь командир дивизии. Таких, как он, было много. Если бы он был командующим армией, командующим фронтом или хотя бы начальником штаба фронта, тут я еще готов поверить в то, что между ним и Троцким действительно могла быть какая-то конфронтация. Но в данном то случае им не о чем, по сути, было спорить. Цель предельно ясная – Всемирная Советская Социалистическая Республика. Троцкий руководит, Щорс исполняет.

Но кто-то же тогда выстрелил в затылок лихому красному командиру. Сначала подумали на Ивана Дубового. Он был заместителем Щорса и после его смерти возглавил дивизию. Но самое главное, именно он перебинтовывал своего командира, отгоняя при этом фельдшера и не давая оказать вовремя помощь. Он был одним из тех людей, кто напишет свои воспоминания о Щорсе в 30-х годах. Дальнейшая судьба его будет трагична. Как и многие другие, он не переживет 1937 год, его арестуют, следствие будет крайне скоротечным. Обвинения традиционные – троцкизм. Дальше смертный приговор и его реализация. Поэтому естественно, что отвечать на обвинения, высказанные в его адрес в 60-х годах, Дубовой не мог. Как не могли этим заниматься многие ветераны щорсовской дивизии, потому что подавляющее большинство их давным-давно ушли на Суд Божий.

Что же все-таки произошло с Щорсом? Кто стрелял ему в затылок? Может быть, товарищ Троцкий кого-то подослал? Дубовой отпадает. Но все равно может же найтись какой-нибудь подлец, который взял и избавил революцию от такого верного солдата. Но дело все том, что как раз незадолго до всех этих событий именно Троцкий утверждал Щорса командиром дивизии. Ну согласитесь, зная характер Льва Давидовича, зная, что если у вас идет широкая такая полномасштабная конфронтация с лихим красным командиром Щорсом, зачем вам его утверждать командиром дивизии? Его проще отдать под суд. Военно-полевой трибунал ему очень быстро определит наказание, и на этом все закончится. А командиром дивизии вы поставите любого другого нормального, преданного революции товарища, и все будут в принципе довольны и счастливы. Но нет, Троцкий за девять дней до гибели Щорса назначает его командиром. Нет, конечно, можно сказать, что за прошедшие потом девять дней все диаметрально поменялось и товарищ Троцкий определил, что он совершил страшную ошибку, но вместо того, чтобы просто отдать Щорса под трибунал за что-нибудь, благо в условиях Гражданской войны это совершенно плевое дело, там каждого второго мог бы судить военно-полевой суд в принципе, если нужно, Троцкий зачем-то продумывает схему для того, чтобы послать туда наемного убийцу, который в разгар боя незаметно подкрадется к лихому красному командиру и прицельно выстрелит ему в затылок.

В эпоху перестройки появилась новая версия гибели Щорса. Вины во всем не Сталин и даже не Троцкий, а все тот же Дубовой, потому что он был человеком честолюбивым. Быть всего лишь заместителем командира дивизии ему было неприятно, и по этой причине он решил самостоятельно расправиться. Подкрался, выстрелил Щорсу в затылок. Пока к нему бежал полковой врач, он начал его перевязывать, после этого он отогнал врача, Щорс в результате умирает, Дубовой оплакивает командира и принимает командование дивизией на себя. Схема действительно красивая, но давайте посмотрим на это с другой точки зрения. А если бы кто-нибудь из обожавших Щорса солдат его дивизии увидел, как заместитель командира,

Дубовой, подло стреляет Щорсу в затылок, какая была бы реакция? Ну, мне кажется, что ни до какого 1937 года Дубовой не дожил бы. В лучшем для него случае его сразу расстреляли бы свои же солдаты. А если бы, не дай Бог, они передали его Троцкому? Лев Давидович на расправу-то был скор, он и не таких людей, извините, приводил в чувства военно-полевым трибуналом, а уж какой-то Дубовой для него – так это вообще песок под каблуком. Тем более что Троцкий в принципе презирал подобные методы, ну, правда, если они происходили без его личной санкции. Ну, как мы с вами понимаем, санкцию товарищ Троцкий по этому поводу не давал в принципе.

Но остается тогда последний вариант. Что же все-таки могло произойти с Щорсом? Вариант этот самый непопулярный, потому что, понятное дело, хорошо рассуждать о том, что лично Сталин заказал, лично Троцкий заказал или негодяй и мерзавец карьерист Дубовой задумал и сам все исполнил. Но если те версии не подходят, тогда остается последняя, вероятнее всего, самая правильная. Судя по всему, Щорс был убит в результате рикошета пули. Так иногда бывает. Потом же опрашивали очень многих свидетелей того самого рокового боя. И они показали, что вокруг того места, где, собственно говоря, и пал сраженный предательской пулей командир Щорс, находилось достаточно много камней. В принципе, если пуля отскочила от одного из них, она действительно могла поразить затылок лихого комдива. Но при этом рикошет мог быть как от пули, выпущенной из петлюровского пулемета, так и действительно от пули, выпущенной кем-то из красноармейцев. Вот если посмотреть на ситуацию с этой точки зрения, тогда, наверное, становится понятна логика действий заместителя командира дивизии Дубового. Он увидел, что пуля попала в затылок. Именно по этой причине он начинает перевязывать сам. Он прекрасно понимает, что будет, если врач начнет осматривать Щорса и увидит, что пуля в затылке. Немедленно будет написан доклад в соответствующие органы, и немедленно будет невероятно тяжелое разбирательство по этому поводу, а все командиры Рабоче-Крестьянской Красной армии знали прекрасно методы действий товарища Троцкого, и под децимацию, то есть расстрел каждого десятого, едва ли кто-то захотел бы добровольно попасть. Кроме того, существовал еще страх того, что если сейчас пустить слух о том, что Щорс убит пулей, выпущенной кем-то из своих, то могут начаться поиски того самого предателя. Таких, кстати, случаев в эпоху 19—20-х годов было великое множество. Заканчивались они очень кровопролитно, а тут же огорченные до невероятности просто гибелью своего командира бойцы дивизии поднимаются в атаку и сметаю галичан. Интересно, что пленных тогда не брали вообще. Вот такая была ярость.

Даже несмотря на то что почти все документы по этому поводу давным-давно известны и архивы открыты, установить, что же все-таки произошло с Щорсом, в наше время уже невозможно. Хотя это в принципе и не имеет никакого значения. Щорс – герой Гражданской войны (если, конечно, вообще в братоубийственной войне бывают герои), погиб, как подобает воину, в бою, погиб с честью. Сегодня он интересен только очень узкой прослойке историков, которые занимаются Гражданской войной на Украине. От того, как именно он погиб, ничего принципиального в картине событий 1919 года не поменяется. Не принципиально важно, был ли это рикошет от пули, выпущенной красноармейцами, или пуля, выпущенная из петлюровского пулемета. Главное – Щорс действительно погиб в бою.

Ясно одно – на его смерти будут продолжать спекулировать, строить новые конспирологические теории. Это ведь так невероятно увлекательно! Но ничего общего с подлинной историей этого красного командира на лихом коне они не имеют и будут находиться в параллельных плоскостях: Николай Щорс и конспирологические теории о его смерти.

Комкор Виталий Примаков (1897–1937)

Комкор Виталий Примаков – фигура давным-давно забытая и в советской историографии, и уж тем более в современной российской. Подавляющее большинство людей, выросших в позднюю советскую эпоху, едва ли знает, кто это вообще такой. Многие при упоминании фамилии Примаков скорее подумают про покойного, к сожалению, государственного деятеля 1990-х годов и одно время руководителя Службы внешней разведки Евгения Максимовича Примакова (1929–2015). Почему же некогда знаменитый красный командир оказался на обочине общественного внимания? Все объясняется невероятно просто, стоит назвать всего лишь четыре цифры – 1937.

В начале июня 1937 года состоялся процесс по делу о заговоре в Красной армии. На скамье подсудимых оказались восемь видных советских военачальников, среди них заместитель наркома обороны маршал Михаил Тухачевский, командармы 1-го ранга командующий Ленинградским военным округом Иона Якир и командующий Белорусским военным округом Иероним Уборевич. Все они, конечно, признались, что готовили заговор. В Советском Союзе к этому потом стали добавлять «фашистский заговор». Не знаю, можно ли вообще дело Тухачевского называть фашистским заговором. Я читал достаточно много документов по этому поводу и могу сказать честно: это абсолютная чепуха. Если существует достаточно много свидетельств существования самого заговора, которые подтверждаются в том числе донесениями советской разведки из-за рубежа, причем 1934–1935 годов – то есть еще задолго до событий 37-го, и дневниками деятелей русской эмиграции, то все, что касается фашистского следа, – это очередная дикая выдумка советского агитпропа.

Давайте ненадолго оставим процесс 37-го года, мы о нем еще поговорим, а вспомним про славный город Чернигов. Там еще совсем недавно стояли памятники знаменитым горожанам – строителям Советской власти. Например, знаменитому красному командиру Николаю Щорсу. Рядом – памятник Антонову-Овсеенко, ставшему жертвой политических репрессий 1937–1938 годов (а ведь был, в общем-то, знаменитый человек, арестовывал Временное правительство). Рядом с ними стоял памятник сыну писателя Михаила Коцюбинского – Юрию. С 1933 года он был заместителем председателя СНК и одновременно председателем Госплана Украинской ССР, расстрелян весной 37-го за создание и руководство контрреволюционной организацией «Украинский троцкистский центр». Чуть поодаль от них стоял монумент Виталию Примакову, еще одному красному герою со стремительной карьерой и не менее сокрушительным падением – он оказался среди тех восьми военачальников, которые пошли по процессу о заговоре в Красной армии, так называемому «делу Тухачевского».

Виталий Маркович Примаков родился на исходе XIX столетия, в 1897 году, в селе Семёновка Черниговской губернии. В гимназии сидел за одной партой с Юрием Коцюбинским, ухаживал за его младшей сестрой, она и станет первой женой Примакова, но проживет недолго: в 1920 году во время родов умрет в Москве. Коцюбинский был известным интеллектуалом, не чуждым левых взглядов, которые тогда только-только стали набирать значительную симпатию в российском обществе. Естественно, что молодой Примаков достаточно быстро проникся левыми идеями и даже принял участие в Черниговской социал-демократической организации. Но в результате в 1914 году он будет сослан в Сибирь. То есть на фронтах Первой мировой войны Примаков не был, в это время он отбывал наказание.

В 1917 году он возвращается домой. Поскольку Примаков обладал абсолютно неумной энергией, то был назначен в верхушку местных большевиков и получил направление в Петроград, где командовал отрядом при взятии Зимнего дворца и подавлении выступления генерала

Краснова. В январе 1918 года он становится командиром полка Червонного казачества, первого военного формирования Совета народных комиссаров Украинской Советской Социалистической Республики.

Надо сказать, что червонное казачество, с нашей сегодняшней точки зрения, было невероятно странным формированием. Изначально его создавали как вооруженную часть Украинского советского правительства, но самих украинцев удалось набрать лишь сто человек. Восполнять кадры пришлось с помощью латышских рабочих, которые были эвакуированы на Украину в начале Первой мировой войны. Кроме того, в червонном казачестве оказались сотня всадников Ингушского кавалерийского полка Русской императорской армии, а также эскадрон австрийских и венгерских гусар. Вообще казачеством это назвать невероятно сложно, скорее это была такая казацкая вольница в самом критичном отношении к этому слову. Но название закрепилось, тем более что пришло пополнение за счет мобилизованных украинцев, а также пополнение из числа русских. И в результате червонное казачество стало сначала бригадой, а потом целой кавалерийской дивизией Рабоче-крестьянской Красной армии. Притом, что в самой дивизии были московские и латышские полки, Орловский кавалерийский полк, красные кубанцы, добровольцы Урала. То есть ничего общего это разношерстное формирование с казаками не имело. Но название закрепилось, и менять его уже никто не стал. Вся эта разношерстная компания стала гордо носить имя дивизия Червонного казачества. Потом из нее, уже осенью 1920 года, создают Третий конный корпус, опять же вливая туда всех, кого только можно. Например, там оказалась Башкирская кавалерийская бригада. Согласимся, это несколько далеко от казаков, да еще и червонных.

Главным во всей этой своеобразной структуре и был Виталий Примаков. Интересно, что подчиненные называли его Батка-атаман. Такой отсыл скорее к маховским формированиям, но вот и в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии тоже были такие люди. Сохранились очень интересные воспоминания бывшего командира первого Червоно-казацкого полка Тараса Юшкевича. Он описывает своих кавалеристов как отчаянных рубак. Однако, наверно, надо как-то по-другому охарактеризовать всех этих людей, потому что кто-то из них отдавал предпочтение кокаину, кто-то был замечен в безудержном пьянстве. Было зафиксировано немало случаев мародерства. Безусловно, были и абсолютно примерные бойцы – эталон красного кавалериста, как это описала бы советская пропаганда образца 1950—1960-х годов. Но давайте скажем честно, сам Примаков был не в восторге от морально-этических качеств своих подчиненных. Более того, уже после окончания боевых действий ему пришлось применять весьма серьезные меры по отношению к своим подчиненным. Например, четверо червонных казаков, которых поймали с поличным при грабеже, были расстреляны. Интересно, что местная Чрезвычайная комиссия завела уголовное дело на самого Виталия Марковича, поскольку совершенно справедливо посчитала это откровенным самоуправством. И в самом деле, ну что он там один во всех лицах, как трибунал? Но Москва признала действия Примакова революционно правильными, и дело было закрыто.

Давайте посмотрим на фигуры некоторых других деятелей червонного казачества. Потому что, как известно, короля всегда играет свита. Например, вот как описывают еще одного червонного казака – Дмитрия Шмидта (настоящее имя Давид Аронович Гутман;

1896–1937): *«Дмитрий Шмидт лихо дрался на фронтах в составе корпуса червонного казачества, после войны командовал в нем дивизией. В двадцатых был активным троцкистом. Бывший партизан, человек отчаянной храбрости, Шмидт придавал мало цены кумирам и авторитетам. Провокационное исключение Троцкого из партии буквально накануне XV съезда (в декабре 1927 года) привело его в бешенство. Он приехал в Москву и где-то в перерыве между заседаниями отыскал Сталина. Облаченный в черкеску, с папахой на голове, он подошел к генсеку, непотребно выругался и, доставая воображаемую саблю, пригрозил: «Смотри, Коба, уши отрезусь!» Сам по себе этот факт свидетельствует, конечно, о «потрясающей» дис-*

циpline среди червонного казачества. Да, собственно, чего ожидать от комдива Шмидта, если он, по сути, во многом повторял деятельность комкора Примакова.

Самый яркий пример весьма вольного поведения червонных казаков – это, конечно, 1922 год. Генуэзская мирная конференция. На тот момент стало понятно, что Мировая революция провалилась и надо восстанавливать страну, каким-то образом налаживать отношения с соседними странами. Ленин прекрасно понимал, что без плацдарма в виде Советской России никакой дальнейшей экспансии левых идей в мире не будет. Кстати, Сталин был абсолютно солидарен с Ильичом в этом вопросе. Именно в этой точке и разошлись взгляды Троцкого и Сталина, потому что Льву Давидовичу была нужна перманентная революция. Иными словами, долбить в стену до тех пор, пока не иссякнут все силы. А червонные казаки во главе с Примаковым очень сильно любили бывшего наркомвоенмора. И вот они отправляют Ленину телеграмму: *«Товарищ Ленин может ехать в Геную, но только после того, как туда войдет Красная Армия»*. Уважаемые читатели, я даже не стану комментировать подобного рода поступки, думаю, что любой здравомыслящий человек сам все понимает.

Разумеется, что на тот момент генерал-полковник, выражаясь языком современной таблицы о рангах, Примаков был еще нужен молодой советской республике. Его отправляют в Китай, где он стал военным специалистом у Гоминьдана. Попутно именно люди Примакова помогли произвести известную операцию по захвату белогвардейского генерала Анненкова и отправке его на территорию Советского Союза. Анненкова и начальника его штаба Денисова судили и, естественно, приговорили к расстрелу, потому что ничего другого Анненков не заслужил. Поверьте мне, что это был весьма и весьма своеобразный человек, весь покрытый татуировками.

После Китая Примакова отправили в Афганистан, и он получает за это третий орден Красного Знамени. После этого он отправился в Германию на стажировку и учебу. Затем становится военным атташе в Японии. Много было слухов о том, чем именно он занимался в Токио. Например, очень характерный для него эпизод, связанный с вручением собственной верительной грамоты японскому императору. Считалось, что к микадо невозможно прийти с оружием. Но Примаков сказал: «Я боевой красный офицер. Мне сабля положена». В результате стороны якобы очень долго торговались и все-таки разрешили ему прийти с саблей, но саму саблю припаяли к ножнам. Не знаю уж, насколько эта красивая история соответствует действительности, но я несколько не сомневаюсь в том, что именно в таком тоне Примаков и разговаривал с японскими чиновниками. Согласитесь, если он позволял себе в подобной манере разговаривать с Лениным, то чего бы ему так не поговорить с японцами, ну право слово.

В 1934 году Примаков возвращается в Советский Союз и становится инспектором кавалерии Рабоче-крестьянской Красной армии, а потом заместителем командующего Ленинградским военным округом. Пост неслабый, мягко говоря. Именно в Ленинграде – колыбели трех революций – он будет арестован. Причем, что характерно, не в мае-июне 1937 года, а значительно раньше: еще 14 августа 1936 года. То есть как минимум за 11 месяцев до начала массовых политических репрессий в СССР. Почему его арестовали в 36-м, когда всех его друзей взяли только в 1937-м? Дело в том, что Примаков никогда не скрывал своих ярко выраженных симпатий к Троцкому. Поэтому следователи НКВД пытались выбить у Примакова доказательства широкого заговора троцкистов, который обозвали военно-фашистским делом, а также факты шпионажа в пользу Германии и Японии. В последнем обвинять Примакова было достаточно странно, но по реалиям той эпохи это было вполне нормальное обвинение. Например, небезызвестный Павел Дыбенко писал даже товарищу Сталину: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Разберитесь, пожалуйста, меня обвиняют в том, что я являюсь американским шпионом, а я американского языка не знаю!» (*Это почти дословная цитата, полный текст его письма «дорогому Иосифу Виссарионовичу» я привожу в очерке «Первые ленинские наркомы».*) Жалко, что Дыбенко расстреляли, так и не объяснив ему, что никакого американского языка не суще-

ствует. Вообще же это показывает, насколько себя не утруждали следователи в подготовке всех политических процессов 1937–1938 годов.

Итак, 11 июня 1937 года. Утром советские люди спешат на работу. Для многих моих читателей сейчас это, наверно, прозвучит невероятно, особенно для молодых, которые не застали жизнь Советского Союза, но тогда на бульварах и площадях были специальные стенды, куда наклеивали свежие газеты. Идя на работу, советский человек мог остановиться на несколько минут и ознакомиться с передовицами важнейших государственных изданий, если, конечно, он не успел прочитать их до этого. И вот 11 июня 37-го года во всех газетах публикуется следующая информация: *«В прокуратуре Союза Советских Социалистических Республик. Дело арестованных органами Народного комиссариата внутренних дел в разное время Тухачевского, Якира, Уборевича, Кора, Эйдемана, Фельдмана, Примакова, Путна расследование закончено и передано в суд. Указанные выше арестованные обвиняются в нарушении воинского долга – присяги, измене Родине, измене народам Советского Союза, измене Рабоче-крестьянской Красной армии. Следственными материалами установлено участие обвиняемых, а также покончившего жизнь самоубийством Гамарника в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР. Все обвиняемые в предъявленных им обвинениях признали себя виновными полностью»*. На тот момент это страшнейшее известие для советского человека. Достаточно просто вспомнить, кем были арестованные. Михаил Иванович Тухачевский, например, до недавнего времени первый заместитель народного комиссара обороны, легендарный победитель Колчака. Иона Якир – легендарный лихой красный командир Гражданской войны.

Кстати, именно Якир формировал в годы Гражданской отряды из китайцев и платил им золотом. Поэтому, когда мне рассказывают про выдающийся интернационализм в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии, я, конечно, покиваю головой в знак абсолютного согласия, а потом тихонько спрошу: «А что это на интернационализм такой, за который платят золотом?» Более того, если золотом не платили – китайцы в бой не шли. Они были ребята очень простые. А если кто-то из китайцев погибал, то жалование все равно надо было выплачивать, его отсылали семье погибшего.

Идем дальше. Эйдеман, Фельдман, Путна – тоже лихие красные командиры, прославленные герои Гражданской войны. Покончивший жизнь самоубийством Гамарник был ни много ни мало начальником политуправления Рабоче-крестьянской Красной армии. И вот этих людей обвинили в измене народам Советского Союза, связях с иностранными государствами, измене армии, хотя они с первого дня участвовали в ее строительстве!

Интересно, что до сих пор продолжается спор: был ли вообще суд над Тухачевским или нет? Существует свидетельство командарма первого ранга Белова, который сам был расстрелян год спустя. Вернее, даже не столько свидетельство самого Белова, сколько воспоминания его вдовы. Якобы после суда Белов вернулся домой, почти залпом выпил бутылку коньяка и сказал жене: *«Такого ужаса в истории цивилизации не было. Они все сидели как мертвые. Я даже усомнился – они ли это? Они вот так сидели – напротив нас: Уборевич смотрел мне в глаза <...> А Ежов бегал за кулисами, все время подгонял: «Все и так ясно, скорее кончайте, чего тянете»*.

Я бы все же относился к этой цитате с изрядной долей скепсиса. Нет, я вполне допускаю, что Ежов действительно был за кулисами процесса по делу военных и действительно подгонял подчиненных, но говорить о том, что самого суда не было, – это достаточно странное утверждение. Но мы должны понимать, что свидетельство вдовы Белова появилось уже в эпоху Хрущева, когда стали заниматься откровенным ревизионизмом по поводу процесса Тухачевского и изрядно в этом преуспели. Поэтому я вполне допускаю, что, может быть, подобного рода фраза и была сказана, ну а потом ретивые кретины из советского агитпропа дописали некоторые подробности от себя. Это, к сожалению, было абсолютно в порядке вещей.

Я не случайно в данном случае употребляю определение «ретивые кретины» – уважаемые читатели, посмотрите на книги, которые были выпущены Главпуrom, агитпропом, в 57-м, 58-м, 59-м и даже в 60-м годах. В моей библиотеке их большая коллекция. Это же, как говорил, Карабас-Барабас: «Просто праздник какой-то!» Уборевич, Тухачевский, Эйдеман, Якир предстают на страницах этих книг как апостолы Христа, ну только разве что крыльев им не хватает. В реальной жизни они такими безгрешными, естественно, не были.

И сегодня еще есть множество людей, которые продолжают искренне верить в то, что заговор военных был сфабрикован по приказу Сталина. Их главный аргумент – дело о заговоре в Красной армии до сих пор полностью не рассекречено, поэтому предметно говорить о чем-то невозможно. Всем этим великим интеллектуалам я хочу сказать, что на самом деле опубликовано уже достаточно много документов, проливающих свет на эти события. И прискорбно, что все эти люди их читать-то не хотят. Им хочется об этом рассуждать и рассказывать другим. При этом, когда задаешь прямые вопросы, непосредственно связанные с архивными документами, никакого ответа не следует.

Возвращаясь к фигуре Примакова – был ли он праведным человеком, я не берусь судить. Имел ли он прегрешения против советской власти? Да, несомненно. И больше того, за многие дела, которые сотворил сам и его подчиненные в годы Гражданской войны, он вполне заслужил военный трибунал. Но тогда Москва считала его важным кадром. Суда Примаков избежал, но не избежал его в 37-м году. Конечно, никаким немецким шпионом он не был, ни в каком фашистском заговоре участия не принимал, но то, что связи с Троцким Примаков имел, – это несомненно. Другой вопрос в том, что, как мне кажется, за просто связи не расстреливают. Хотя это вопрос дискуссионный, потому что тогда надо изучать абсолютно все документы и все показания друзей Примакова, а про него следователям рассказывали много и весьма охотно.

Первые наркомы ленинского правительства

Декрет об учреждении Совета народных комиссаров последовал 27 октября (по старому стилю) 1917 года, то есть ровно через два дня после прихода большевиков к власти. Изначально Ленин рассчитывал договориться с другими партиями и создать коалиционное социалистическое правительство, пригласить, в частности, левых эсеров. Но такой договоренности достичь не удалось, в том числе и потому, что Ленину это не было особенно нужно. И первое правительство оказалось составленным исключительно из старых членов партии. Давайте перечислим их поименно: председатель Совета народных комиссаров – Владимир Ильич Ленин, нарком по внутренним делам – Рыков, нарком земледелия – Милютин, нарком труда – Шляпников, Народный комиссариат по военным и морским делам возглавляли аж три человека – Антонов-Овсеенко, Крыленко и Дыбенко, нарком по делам торговли и промышленности – Ногин, нарком просвещения, легенда большевистской партии – Луначарский, нарком финансов – Скворцов (Степанов), который до этого был партийным журналистом, нарком по иностранным делам – Бронштейн, более известный как Троцкий, нарком юстиции – Оппоков (Ломов), нарком по продовольствию – Теодорович, министр почт и телеграфа, как сказали бы сегодня, – Авилов (Глебов), нарком по делам национальностей – Сталин.

Биографии Ленина и Сталина, слава богу, широко известны. Рассказывать о них нет абсолютно никакого смысла, поэтому перейдем к другим вышеназванным персоналиям.

Алексей Рыков (1881–1938). Это, вероятно, мировой рекорд пребывания в должности – всего лишь девять дней. Но главное – он успел подписать исторический документ о создании Рабоче-крестьянской милиции. Из Совета народных комиссаров Рыков переходит в Моссовет, в дальнейшем будет занимать серьезные государственные посты. В феврале 1924 года вообще возглавит советское правительство, тот самый легендарный Совнарком СССР. Все у него шло хорошо до 1930 года, когда он был снят с должности главы правительства, потому что долгие годы находился в дружеских отношениях и всегда поддерживал Николая Бухарина, за что и был вместе с ним объявлен правым уклонистом. Избавиться от этого клейма Рыков не смог, хотя произнес огромное количество покаянных речей и написал запредельное число покаянных писем. В феврале 1937 года он будет исключен из партии и арестован. На допросах тут же признает себя виновным. В качестве одного из главных обвиняемых его привлекут к открытому процессу по делу правотроцкистского антисоветского блока. 13 марта 1938 года его приговорят к смертной казни и через два дня расстреляют. Естественно, при Хрущеве он будет реабилитирован.

Владимир Милютин (1884–1937). Второй человек в ленинском правительстве. Что характерно, и он через девять дней после создания первого правительства из него выйдет. Но в данном случае он выходит из-за несогласия с политикой Ленина, потому что считает, что нужно создавать коалиционное правительство. И только таким образом русская революция будет спасена. Милютин напишет заявление о выходе в Центральный комитет партии, в Совнарком. Потом признает ошибочность этого шага и немедленно отзовет заявление о выходе из ЦК. Его простят, и он будет занимать достаточно высокие посты в правительстве, шесть лет будет заместителем председателя Госплана Советского Союза. В 1937 году про него, естественно, вспомнят и в июле арестуют. 29 октября 1937 года Владимир Милютин, старый член партии, приговаривается к высшей мере наказания за принадлежность к организации контрреволюционных правых сил. На следующий день он будет расстрелян. Реабилитируют Милютина, естественно, в 1956 году. Никита Сергеевич Хрущев расстарается.

Александр Шляпников (1885–1937). И этот удивительный человек тоже выступал за включение в состав правительства членов других партий. Однако в отличие от Милютина заявления не писал, потом не каялся и заявление не рвал. Через три недели в дополнение к обязан-

ностям наркома труда на него возложили также обязанности наркома торговли и промышленности. Еще один великий многостаночник в партии. Шляпников был лидером так называемой рабочей оппозиции. Если кто-то не знает, тогда в партии началась дискуссия о роли профсоюзов. Вот Шляпников искренне полагал, что главная задача профсоюзов – это организация управления народным хозяйством и они должны забрать эту функцию у партии. Естественно, что сразу после оглашения такой странной позиции Шляпников оказался под огнем разгромной критики Ленина, и, безусловно, это не лучшим образом скажется на его дальнейшей судьбе. Потом он будет занимать исключительно второстепенные должности. Например, председателя правления акционерного общества «Металлоимпорт». Но никаких уроков для себя он из этого не извлечет и напишет воспоминания «1917 год», за что будет нещадно критикуем соратниками по партии. В 1933 году его исключат из рядов ВКП(б), в 34-м вышлют в Карелию, в 35-м осудят на пять лет за принадлежность к «Рабочей оппозиции» (срок, правда, заменят ссылкой в Астрахань).

Шляпников был настолько упертым человеком, что и этот урок не был им усвоен. В 1936 году его снова арестовывают. Теперь он обвиняется в том, что, будучи создателем контрреволюционной организации «Рабочая оппозиция», осенью 1927 года дал телеграмму харьковскому центру этой организации о переходе к индивидуальному террору как методу борьбы против партии и советского правительства. А в 1935–1936 годах он же дает директивы о подготовке террористического акта лично против товарища Сталина. Шляпников виновным себя в этой дикости, естественно, не признал, потому что его можно было обвинять во многом, прежде всего в исключительной некомпетентности (хотя, если честь по чести, то надо заметить, что по этой статье можно было обвинить абсолютно любого члена первого ленинского правительства), но вот то, что он совершенно точно не участвовал ни в какой оппозиционной борьбе против Сталина и, разумеется, не готовил на него покушение, это, как говорится, есть медицинский факт. Однако коллегия Верховного суда Советского Союза спокойно закрыла на это глаза, и Шляпникова приговорили к расстрелу. Приговор быстро привели в исполнение. Так же быстро в 1963 году он будет реабилитирован, а в 1988-м Комитет партийного контроля при ЦК КПСС даже восстановит его в партии (посмертно).

* * *

Переходим к триумvirату наркомвоенмором: Антонов-Овсеев, Крыленко, Дыбенко. Все они в течение многих лет занимают высочайшие государственные посты, и потом все оказываются шпионами, вредителями, диверсантами, наймитами всех западных разведок, контрреволюционерами и в оперативном порядке расстреливаются.

Владимир Антонов-Овсеев (1883–1938). Легенда русской революции. Между прочим, это тот самый человек, который арестовал Временное правительство. Он один из создателей Красной армии. Потом он будет генеральным консулом Советского Союза в Испании, лично отвечая за революционную борьбу испанского народа против армии Франко. Он вернется в СССР в феврале 1938 года, будет арестован и достаточно оперативно приговорен к расстрелу. Приговор, естественно, тут же приведут в исполнение. Его реабилитируют в 1956 году.

Николай Крыленко (1885–1938). Один из создателей советского права, занимал высокие посты в Наркомюсте, в прокуратуре, был даже председателем Верховного суда. Он стал одним из архитекторов Большого террора 1930-х годов. При этом имел разносторонние хобби – серьезно увлекался шахматами (возглавлял шахматную организацию СССР и даже редактировал шахматный журнал) и альпинизмом. В 1932 году лично возглавил экспедицию к пику Гармо на Памире. Одним из первых в Советском Союзе Крыленко был удостоен звания «Заслуженный мастер альпинизма». Но, как известно, революция всегда пожирает своих создателей, и он сам станет жертвой запущенного им террора. На первой сессии Верховного совета в 1938

году его подвергнут жестокой критике. Потом снимут со всех постов, исключат из партии, арестуют. 29 июня 1938 года расстреляют, а в 56-м реабилитируют, потому что не найдут состава преступления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.